

М. П. АРАКЕЛОВА, А. А. ГОРОДНИЦКАЯ

«ОЧАРОВАННАЯ ДУША»: М. П. КУДАШЕВА-РОЛЛАН

Подруги и спутницы знаменитых людей нечасто удостоиваются пристального внимания историков. Сведения о М. П. Кудашевой-Роллан можно найти лишь в редких примечаниях скрупулезных литературных жизнеописаний. Однако судьба и личность этой женщины, как представляется, заслуживают большего внимания. Расцвет литературного и художественного творчества начала XX в. в России, названный Серебряным веком, породил особенную, ни с чем не сравнимую атмосферу духовного подъема, эстетических поисков, создал неповторимые характеры людей, причастных к культурной элите. Кудашева-Роллан — один из таких человеческих типов, без которых история отечественной литературы теряет свою полноту.

Мария Павловна (или Майя, как ее называли близкие и друзья) Кювилье родилась 8/21 мая 1895 г. Она была дочерью русского офицера и гувернантки-француженки А. Ф. Кювилье. Крестили ее по православному обряду. Сначала девочка воспитывалась в семье отца, затем жила у своей тетки Зели Калей (Zelie Caley) во Франции, несколько лет провела в католическом монастыре, а семилетним ребенком стала жить с матерью в России. Детство Майи вовсе не было благополучным и безоблачным: с 14 лет, будучи гимназисткой, она зарабатывала уроками, помогая тем самым матери. С детства она была двуязычной: и русский, и французский были для нее родными языками; в юности она в совершенстве овладела английским и немецким. Главной страстью Майи Кювилье было искусство, и это увлечение привело ее в один из «центров» московской поэтической богемы — в дом по Кривоарбатскому переулку, где в квартире, прозванной А. Н. Толстым «обормотником»¹, обитали М. А. Волошин с матерью (Еленой Оттобальдовной Волошиной) и две сестры мужа М. И. Цветаевой

Сергея Яковлевича Эфрона — Елизавета и Вера. Зимой 1913 г. Майя принимается в полноправные члены «обормотника», так как писала всех восхищавшие, изящные, певучие стихи по-французски. В восторженном послании к новой подруге Марина Цветаева сумела уловить глубинный смысл исканий своей восемнадцатилетней корреспондентки: «Ваши стихи о любви единственны, как и Ваше отношение к любви. Ах, вся Ваша жизнь будет галереей прелестных юношеских лиц с синими, серыми и зелеными глазами под светлым или темным шелком прямых или вьющихся волос. <...> Майя, Вы — Sonntags-Kind², родившееся в воскресенье и знающее язык деревьев, птиц, зверей и волн»³.

Майя Кювилье училась на Высших женских курсах, посещала все литературные вечера и, несмотря на свой юный возраст, хорошо знала русскую и европейскую поэзию. В России ее литературными кумирами были К. Д. Бальмонт, В. И. Иванов, М. А. Волошин, А. А. Блок. Как и многие из тех, кто увлекался поэзией того времени, Майя не видела различий между поэтическим миром и миром реальным; напротив, ей казалось, что настоящая жизнь протекает именно в идеальном мире, в мире поэзии. На нее самое сильное впечатление произвели идеи «младосимволистов» — А. Белого и Иванова, провозглашенный ими культ любви как главного двигателя вселенной, единственного творческого жизнестроительного начала. Таким образом трактуемая любовь была призвана соединить людей в духовной теургии (служении) высшему началу и преобразить действительность, открыть подлинную творческую, религиозную сущность мира. Эту головокружительную «теургическую» задачу, на скорое решение которой едва ли рассчитывали сами поэты, бесстрашно и немедленно принялась разрешать восемнадцатилетняя Майя Кювилье. Такие идеалы соответствовали и ее врожденным качествам: Майя испытывала всепоглощающую любовь ко всему миру, людям, каждому отдельному человеку, и это чувство было ей знакомо с ранних лет. «Любовь» стала ее призванием, вне атмосферы влюбленности Майя не мыслила своего существования.

Но предположение Марины Цветаевой о «галерее» «юношеских лиц», якобы ожидающих Майю, оказалось верным лишь отчасти. Одержимая поэзией, своими «любимыми» она хотела видеть лишь поэтов, ибо они более всего были родственны ей по духу.

Майя Кювилье, наивно признаваясь в любви маститому мэтру символизма Вячеславу Ивановичу Иванову (1866–1949), следующим образом объясняла свои чувства: «Вы, может быть, очень удивлены тем, что я *так* пишу Вам. Я просто всегда подхожу к тем, кого могу любить. Но зато тех, к кому я подошла, я люблю. Почему можно

всякий цветок, понравившийся, понюхать? Я хочу подойти к каждому понравившемуся сердцу. Пожалуйста, не говорите, что я легкомысленна и т.д. Я говорю все это очень серьезно — как в тот вечер, когда была у Вас. И не верю во грех и во зло — и хочу любить все, потому что все, что есть, кем-то любимо, а то и не существовало бы»⁴. Кроме Иванова, среди избранников Майи Кювилье были поэты Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932), Андрей Белый (1880–1934), Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942), Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967), поэт и переводчик Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991), юрист, историк государственного права Михаил Соломонович Фельдштейн (1884 или 1885–1939), архитектор Виктор Александрович Веснин (1882–1950) и другие. Естественно, что эти «романы» Майи Кювилье ничего общего не имели с тем, что обычно понимается под любовными романами; им более подходит название дружбы, хотя, благодаря характеру Майи, в высшей степени идеалистически понятой и экзальтированной. И в своей любви Майя оставалась не только верной, но она стремилась выйти на «идеальный» уровень отношений, ждала духовных открытий. Иванову она признавалась: «Я как прежде, как всегда. Знаю, что Вы научите меня самому глубокому и высокому, и важному — и я обожаю лик Бога, который отражается в Вас, и вообще люблю Вас и онтологически, и как отца, и как брата, и как друга»⁵.

Выдающиеся писатели и ученые к чувствам юной поэтессы относились с полной серьезностью. Так, Волошин, к которому она, очарованная его стихами, пришла в «обормотник», писал матери о ней: «Я считаю, что нельзя перед таким чувством захлопывать двери, но надо принять его и постараться пронести, не обманывая... Мне так хотелось, чтобы ее влюбленность (не ко мне лично, а вообще)... перешла бы в настоящую полную человеческую любовь. Потому что для любви нет грани: она не требует (как влюбленность), а сама животворит, и нет грани между любовью к отдельному человеку, к миру, к Богу — все в одном и все об одном»⁶. Майя писала своим возлюбленным бесконечные стихи, и они отвечали ей тем же. Волошин посвятил Майе такое стихотворение:

*Над головою подымая
Снопы цветов, с горы идет...
Пришла и смотрит...
— Кто ты?
— Майя.
Благословляю твой приход.
В твоих глазах безумство. Имя*

*Звучит как вечный мира сон...
Я наважденьями твоими
И зном солнца ослеплен.
Войди и будь...
Так ты бежала... вся в цветах...
Вся в нимбах белого пожара...
Кто ты? Дитя? Царевна? Паж?
Тебя такой я принимаю:
Земли полуденный мираж,
Иллюзию, обманность, майю⁷.*

(7 июля 1913 г.)

А вот как откликнулся на встречу с Майей Кювилье Константин Бальмонт. Он писал Волошину 13 февраля 1914 г.: «Осенью в Москве пришла ко мне Майя. Она нежно и больно и глубоко вошла в мое сердце. Это — существо драгоценное»⁸.

Ее душевная щедрость была неисчерпаема, она была готова отдать все свои помыслы и чувства и так же безмерно принимала чужую душу. «Неистовствуя» в любви, Майя не хотела знать никаких пределов. Воспитанная декадентской поэзией, эти «пределы» отрицающей, психологически не вполне взрослая девушка, она часто встречала непонимание, и это заставляло ее жестоко страдать. Волошин, к которому Майя приехала в Коктебель, жаловался художнице Ю. Л. Оболенской: «Майя собирается рыдать dans mon gilet⁹ по 12 часов в сутки в течение ближайших пяти месяцев и не соглашается ни на полчаса меньше»¹⁰. Подобные курьезные ситуации возникали у нее и с другими ее «возлюбленными», и поэтому большинство мемуаристов сохраняло ироничное отношение к образу мятущейся и вечно печальной Майи.

Прошедшая нешуточное «воспитание чувств», Майя стала тонкой собеседницей, привлекала к себе внимание сложностью своей природы, своеобразием и «неотмирностью». Известным поэтам она дарила вдохновение, а у них черпала знания, благодаря им источала свою и без того «идеалистическую» душу. В начале осени 1916 г. в Москву из Дорнаха, в связи с призывом на военную службу, вернулся Андрей Белый. Майя Кювилье просто и безыскусно написала ему. И с Белым у нее сложились неординарные отношения. Майя показала Белому похужей на его жену — Анну (Асю) Тургеневу, с которой он был в размолвке. Более того, он уловил в Майе некую «демоничность». Он часто писал ей, искал встреч и проникновенных бесед, то вдруг с суеверным страхом избегал общения с ней. «Майей прельстил меня Дьявол, — и я так люблю слова, которым не верю, и небо, которое так

далеко, и розы, которые увянут, и все улыбки, которые забуду. Я знаю, от Майи только тоска и жажда, — но хмель мне сердце вскружил...»¹¹.

В какой-то момент М. Кювилье сама начала бояться своей «тоски и жажды», а именно — когда встретила «земную любовь». Это произошло в том же «обормотнике» 10 ноября 1915 г. Вот как писала она об этом событии Иванову: «Пришел жилец Верин¹², племянник Бердяева¹³, Сергей Кудашов. И мы сидели с ним до 5 часов утра, — и я его люблю, наверное. И я счастлива. И он меня будет любить, или любит уже <...> и какая-то необычная чистота между нами, — и серьезность <...> Вы должны меня теперь любить вдвое, чтобы я не “сожгла” — его и себя даром»¹⁴.

Двадцатилетний князь Сергей Александрович Кудашов (1895–1920) учился в военном училище, но был вхож в артистическую богему Москвы. Он венчался с Марией Павловной Кювилье в начале 1916 г. Шафером на свадьбе был В. О. Нилендер¹⁵. Кудашова переехала в семью мужа, на квартиру своей свекрови — Екатерины Васильевны Кудашовой, с которой у нее установились дружеские и очень доброжелательные отношения.

До своего замужества Кудашова жила, казалось, игнорируя события внешней жизни. Шла война, которая вторгалась в Майино бытие лишь вместе с интеллигентскими спорами. Теперь же все изменилось. С осени 1916 г. Сергея Кудашова все чаще стали вызывать на многодневные учения, а через год мобилизовали. 1 марта 1917 г., в дни Февральской революции у Майи родился сын Сергей. Она писала Андрею Белому о сыне: «Он уже похож на Сережу. Очень странно быть матерью. Чувствую такую жалость к нему, что плачу над ним, и не знаю, что делать...»¹⁶.

Незадолго до октябрьских событий 1917 г. Е. В. Кудашова настояла на переезде невестки с внуком в ее родовое имение — село Митрофановку Воронежской губернии. В провинции жизнь еще продолжалась по старинке: крестьяне приходили со своими нуждами к «старой» барыне и очень полюбили «молодую» княгиню за ее доброту и безотказную помощь.

У семьи Кудашовых, равно как и у Майи, не было никаких определенных политических пристрастий. Но крушение монархии они восприняли как событие естественное и неизбежное. Молодой офицер Сергей Кудашов уже 19 марта вместе со своей частью присягал Временному правительству¹⁷. В начале октября 1917 г. он был направлен в Екатеринодар и сообщил семье, что подчиненные ему солдаты почти все стали большевиками и что уже имели место жестокие столкновения с казаками, одно из которых закончилось страшной гибелью офицера¹⁸.

В декабре 1917 г. Сергей Кудашов, больной и измученный, на несколько недель приехал в Митрофановку. «Распропагандированные» крестьяне смотрели на своих «господ» все более недоброжелательно, но страшного не случилось. М.П.Кудашова сообщила Белому: «Нас хотели громить, но Екат<ерина> Васил<ьевна> “обошла” их, — и теперь все прекрасно»¹⁹. Относительное затишье было недолгим. Часть Кудашова была расформирована, офицеры примкнули к контрреволюционным войскам, и Сергею не было пути в Красную Армию²⁰. В августе 1918 г. Майя писала Белому о своем отношении к происходящему в стране: «Ужасно грущу, и боюсь жизни, такой большой и страшной она стала. Но рада, что слетает многое ненужное и гадкое, что ненавистно было мне всегда, — и за этим всем ужасом чую, как будто весенний дух веет. Только вот так много страдания видела, вижу, что не знаю, как жить дальше»²¹. Летом 1918 г. семья Кудашовых бежала в Киев, через несколько дней в Митрофановку вошли немецкие войска, а после их отхода дом был разгромлен солдатами. Екатерина Васильевна увезла маленького Сережу к своим родственникам под Киев, а Майя конец лета и осень 1918 г. провела с мужем в Киеве, где Сергей Кудашов предпринимал тщетные попытки устроиться сначала на службу, потом во Всероссийский Союз Красного Креста по эвакуации военнопленных. Его планы учиться в Киеве в Ближневосточном институте (он был очень способен к языкам и мечтал стать дипломатом) или получить какую-нибудь работу рухнули, и он уходит в Добровольческую Армию. Майя же вместе с сыном и своей матерью А. Ф. Кювилье уезжает в Крым к Волошину.

Максимилиан Волошин писал: «Возвращаясь мысленно к той осени 1919 г., я вспоминаю, что у нас зимовали Мандалыштам, Эренбург и Майя. Майя была с матерью. Мать — трогательная маленькая старушка-француженка. Среди зимы Майя узнала, что ее муж — Сергей Кудашов умер в армии на Кавказе от тифа. Она за этими сведениями ездила в Феодосию, вернулась в многодневных слезах»²². Но существует и другая версия гибели Кудашова: 7 июня 1920 г. феодосийская газета «Крымская мысль» извещала о смерти капитана князя Кудашова, состоявшего в кубанской артиллерии, в бою 29 мая 1920 г.

Гражданская война шла в непосредственной близости от Коктебеля, но жившая в волошинском доме молодежь по-прежнему говорила о поэзии, читала стихи, была полна творческими планами. В 1920 г. «колония» феодосийских поэтов издала тиражом в 100 экземпляров альманах «Ковчег», где были напечатаны стихи Волошина, Мандельштама, Цветаевой, Эренбурга, Э.Г.Багрицкого, С.Я.Парнок, а также Кудашовой (на французском языке). Ранее пять

французских стихотворений Майи появились в скандальном сборнике Сергея Боброва «Центрифуга» (М., 1916). Не обходилось, конечно, и без романтических приключений. По приезде в Крым Майя со свойственной ей страстностью увлеклась Ильей Эренбургом. Волошин, привыкший уже к подобным историям, иронично писал: «Майя всю осень 1919 года была бурно влюблена в Эренбурга, топилась, травилась и т.д. Весь ритуал Майиной влюбленности...»²³.

Майей же, в свою очередь, очаровался Мандалыштам. Его постигло несчастье: он был арестован по подозрению в сотрудничестве с большевиками. Из тюрьмы поэта спасали В. В. Вересаев и Волошин, который написал феодосийскому начальству резкое письмо с требованием отпустить узника. На переговоры с начальником феодосийской контрразведки послали Майю. Она умело воспользовалась своим княжеским титулом, произвела нужное впечатление, чем было ускорено благополучное разрешение дела, и Мандалыштам был отпущен²⁴.

За маленьким сыном Майи, «Дудукой», «смешным трехлетним бутузом, даже не подозревавшим, что настоящее его имя — Сергей»²⁵, ухаживали все обитатели Коктебеля тех лет — художники, писатели...

В 1924 г. в Иваново-Вознесенске вышла книга П. С. Когана «Литература этих лет», где, среди вполне академических очерков, была напечатана новелла, содержащая большой отрывок из поэмы на французском языке, о некоей девушке. Начиналась эта новелла следующим образом: «Княжна, Вас полюбил чекист-еврей. Когда пришли в Крым белые, они расстреляли чекиста. Офицер, освободивший Вас от красных, был сыном барона, носил звучную фамилию. Он не знал, что Вы написали трогательные стихи о Вашем погибшем любовнике на французском языке — потому что на этом языке Вы привыкли выражать свои чувства с детства»²⁶. Конечно же, за образом княжны могла скрываться только Майя. Трудно сказать, насколько достоверна история с чекистом, но, во всяком случае, она должна относиться к последнему периоду пребывания Кудашовой на юге России. В начале 1920-х гг. она переезжает в Москву.

Профессора Петра Соломоновича Когана Кудашова знала со второй половины 1910-х гг. по Кружку любителей западно-европейской литературы, который посещали также В. Я. Брюсов и К. Д. Бальмонт. С 1921 (до 1932) года Коган был бессменным президентом Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН), а Мария Павловна Кудашова — его личным секретарем и представителем. Цветаева вспоминала, что в тяжелые послереволюционные годы Коган был «ангелом-хранителем поэтов» и «ходатай по их земным делам»²⁷.

О том, в какой мере произошедшие в стране перемены повлияли на внутренний мир Кудашовой, можно судить по словам из уже цитировавшейся «новеллы» Когана: «Ураган — это Ваша вздымающаяся грудь. А войны и революции — ничего не стоящий ветерок»²⁸. Нельзя забывать и том, что у Кудашовой были определенные причины для выражения подчеркнутой лояльности Советской власти: она осталась с маленьким сыном, старой матерью, не говорившей по-русски, со свекровью, бывшей княгиней, да и сама была вдовой погибшего на фронте титулованного офицера-белогвардейца... Опекунство и заступничество Когана и государственная служба гарантировали ее семье относительный покой и материальный достаток.

Помимо выполнения своих секретарских и представительских обязанностей в ГАНХе, Кудашова по-прежнему оставалась верной поэзии: она писала оригинальные стихи, много переводила (в сборнике «Революционная поэзия современные Запада» (М., 1927) были напечатаны переведенные ею стихи Жоржа Дюамеля, Шарля Вильдрака, Марселя Мартине. Когда в Россию приезжали Дюамель и Люк Дюртен, Кудашова сопровождала их по Москве, много им помогала.

Сохранились и русские стихи Кудашовой. Как представляется, незаслуженно забытая поэтесса, Майя Кудашова, заслуживает более пристального внимания литературоведов, и ее стихи достойны занять место в антологиях русской поэзии Серебряного века. В архиве Г. И. Чулкова²⁹ сохранилось несколько стихотворений Майи Кудашовой, написанных по-русски. Вот одно из них:

*Бродит мой дух сумасшедший
По площадям пустым.
— Где ты, ушедший,
Истаявший, как дым.*

*Года уж брожу и брежу
— Тот, там, не ты ль? —
Только эфир безбрежный
И земная пыль.*

В 1923 году знаменитый французский писатель Ромен Роллан (1866–1944) получил письмо от советской читательницы Марии Павловны Кудашовой, которая делилась впечатлениями от прочитанных ею первых томов «Жана-Кристофа»³⁰. Как уже было не раз, Кудашова стала инициатором нового эпистолярного «романа», сыгравшего

решающую роль в ее судьбе. Писатель ответил ей. Очень скоро Кудашова, кроме обычного для такой переписки обмена мнениями по вопросам искусства и литературы, стала информировать Р. Роллана о происходящих в СССР событиях, высылала ему переводы статей из советских газет и журналов. Личность корреспондентки чрезвычайно заинтересовала Роллана, и в 1928 г. он написал Максиму Горькому: «Знаете ли Вы Марию Кудашову, которая пишет мне из Москвы и о которой мне говорили Дюамель и Дюртен? В России она была их преданным гидом. Теперь она страстно увлечена большевизмом. — Я читал ее прелестные французские стихи³¹ (не те, которые она напечатала: по-моему, она напечатала наиболее слабые из них)»³².

Мария Кудашова начинает занимать все большее место в жизни Роллана. И когда в 1929 г. ленинградское издательство «Время» собиралось выпускать полное собрание сочинений писателя, Роллан обращается к Горькому с просьбой, «не терпящей отлагательства»: «Мне необходимо встретиться как можно скорее с представителем “Времени” для разрешения некоторых вопросов, связанных с этим изданием. И я прошу, чтобы таким представителем была назначена госпожа *Мария Кудашова*, которая активно занимается этим делом; она мой друг — и я хочу видеть ее лично»³³. Добиться разрешения Кудашовой на выезд было чрезвычайно трудно, так как власти чинили всяческие препятствия, отказывались выдавать визу. Однако Роллан продолжал категорически настаивать: «Можно подумать, что в Москве только и заняты изобретением способов растерять последних своих друзей, которые еще остались среди независимых умов Запада. Я никогда не забуду такого неуважения ко мне»³⁴. Горькому пришлось употребить все свое личное влияние, чтобы удовлетворить просьбу французского писателя. Со своей стороны Роллану пришлось хлопотать, чтобы получить визу для Кудашовой на въезд в немецкую Швейцарию, так как туда, в отличие от Франции, русских пускали очень неохотно.

Кудашова гостила у Роллана три недели в августе 1929 г. Видимо, личная встреча только углубила взаимную симпатию, возникшую между ними за многие годы переписки, и писатель захотел видеть Кудашову и на следующее лето, ибо все больше нуждался в ее энергичной и ласковой помощи»³⁵. Приехав к Роллану в августе 1931 г., Мария Павловна больше не покинула его.

Р. Роллан — один из самых крупных французских писателей XX века. Тем не менее, можно утверждать, что многие аспекты его творчества и особенно общественной деятельности на протяжении долгого времени оставались неправильно истолкованными, несмотря на неослабевающий интерес к его личности как во Франции, так и в

России. Причина такого положения вещей крылась в отношении писателя к политическим событиям, происходившим в мире, и особенно — к социализму в СССР.

В последние годы опубликованы многие документы, дающие целостное представление об этих важных проблемах. В первую очередь, это «Московский дневник», в котором Роллан подробно и искренно описывал свои впечатления от месячного пребывания в Москве летом 1935 г. т от встреч с Кудашовой. Этот обширный дневник, согласно категорическому запрету автора, оставался недоступен в течение полувека. И только недавно в значительном объеме была опубликована переписка Горького и Роллана; часть писем которых также по идеологическим соображениям долгое время лежала под спудом. Благодаря этим документам читатель понимает, что французский писатель был человеком, мучительно размышлявшим над проблемами европейской цивилизации, о роли, принадлежавшей в ее развитии разным странам, о политических течениях XX века, о развитии культуры и о становлении современного человека. Несомненно, что Роллан, который обладал ярким умом, искренностью и пронизательностью, мыслил широко и оригинально и что в его видении России содержится бесценный, до сих пор не востребованный опыт.

Роллан был из тех немногих западных деятелей искусства, которые публично демонстрировали свою поддержку идеям социалистической революции. Свое отношение к социальным преобразованиям в России он высказал в письме к Горькому весьма определенно: «Я не большевик и никогда им не буду: слишком многое в плане интеллектуальном разделяет меня с большевиками. — Но я еще меньше сочувствую противоположному лагерю, какое бы название он ни носил. И всякий раз, как вопрос о Революционной России и о коалиции реакционных сил будет поставлен на почву реального действия, я приму сторону Революционной России. — Но при этом я остаюсь проповедником независимости духа, который никогда не свяжет себя ни с одной партией. Ради мимолетного успеха все партии пренебрегают истиной, честностью, непреходящими ценностями. Среди партий есть лучшие, а есть и худшие. Я помогаю лучшим. Но даже лучшим партиям я никогда не пожертвую ни одной из ценностей, которые превосходят их, и самой высшей из них — свободой духа»³⁶. Такое откровенное изложение своей позиции Горькому было вызвано скандалом, связанным с публикацией открытого письма Бальмонта Ромену Роллану (в парижской газете «Последние новости» от 17 марта 1928), в котором русский поэт обвинял французского писателя в

«оправдании» и пособничестве террору и жестокостям, чинившимся Советской властью.

Русские эмигранты в своем подавляющем большинстве резко негативно относились к Роллану. Такой же демонстративный бойкот ждал и в будущем и его жену. Живя в Швейцарии и Франции более полувека, Мария Кудашова практически не общалась со своими соотечественниками, со многими из которых в юности ее связывала теснейшая дружба. Как исключительный пример можно привести строки из воспоминаний Бердяева: «Я познакомился с Роменом Ролланом, который был женат на русской, на вдове моего племянника. В Ромене Роллане я почувствовал значительность нравственной личности. Его симпатии к советской России и к русскому коммунизму совсем не означали симпатий к материализму. Наоборот, он был спиритуального направления»³⁷.

Роллан так же, как русские эмигранты и многие люди на Западе, тяжело переживал вопиющий антигуманизм многих действий политического руководства в России. Но, не исключая себя из числа друзей этой страны, он предпочитал бороться за неизбежную, как ему казалось, либерализацию царившего в ней режима. Широко известны случаи его заступничества за необоснованно репрессированных: за итальянского анархиста Гецци, литератора В. Сержа, филолога Г. Блока и др. Во время своего пребывания в России Роллан лично высказывал И. В. Сталину свои сомнения в справедливости репрессий после убийства С. М. Кирова. Это свое пространное обращение Роллан желал видеть напечатанным в советской прессе, энергично добивался его публикации, чего, конечно, никак не могло произойти. Но писатель, тем не менее, не оставлял попыток каким-либо образом повлиять на происходящее в России; он неоднократно писал государственным и общественным деятелям СССР, требовал, протестовал.

Эта деятельность Роллана получила новый импульс, когда рядом с ним стала жить Кудашова. Она обращала внимание мужа на судьбы не только людей известных, но и всех тех, о чьих несчастьях она узнавала и которым, как она полагала, было можно помочь. В особенно трудных случаях Роллан прибегал в своему влиянию и авторитету, в более простых хлопотала сама Мария Павловна, пользуясь статусом жены писателя. Наиболее часто она помогала получить разрешение на эмиграцию людям, чьи родственники жили за границей и кому поэтому угрожала опасность быть репрессированными. Только из переписки Горького с Ролланом можно узнать десятки имен таких людей; подобного рода обращения Кудашовой к советским чиновникам хранятся и в архиве Роллана в Москве. Огромную переписку вела Кудашова с Екатериной Павловной Пешковой,

используя возможность действовать через Красный Крест и Общество помощи политзаключенным. В Вильнев, в Швейцарию, на виллу Olga шли письма с просьбами о помощи от эмигрантов и от советских граждан.

28 апреля 1934 г. состоялось бракосочетание Марии Павловны Кудашовой и Романа Роллана. Вполне понятно, что власти, отпустив Кудашову за границу, ждали от нее неукоснительной лояльности. Да и вряд ли она могла нарушить определенные правила. В Москве с Екатериной Васильевной Кудашовой остался ее сын Сергей. Кажется невероятным, что Роллану пришлось хлопотать и за семью своей жены. Он с большим волнением просил Горького воспрепятствовать лишению Е.В.Кудашовой паспорта и пенсии³⁸; позже необходимо было добывать специальное разрешение для того, чтобы Сергей Кудашов смог поступить в Университет. В «Московском дневнике» Роллан описывает один характерный эпизод, имевший место на даче Горького в Горках под Москвой 5 июля 1935 г.: Роллан получил письмо от простого парня, сына купца, происхождение которого не давало ему возможности ни учиться, ни работать. Письмо это обсуждалось в присутствии хозяина дома: «Нетерпимость системы обрекает на отчаяние и смерть большое число невинных людей. Маша очень возмущена такой жестокостью... Маша приводит в пример себя. Она говорит также, что я женился на ней, чтобы дать возможность ее сыну учиться в Университете, и что если бы я этого не сделал, его бы не приняли... У Горького в глазах боль и испуг. Женщины дома (гувернантка, медсестра) тихо соглашаются со словами Маши... Маша настаивает на том, что недостаточно действовать лишь в отдельных случаях. Необходимо изменить весь порядок вещей»³⁹.

Во время этого визита писателя в Москву его жена выполняла роль переводчика: она присутствовала на всех приемах и встречах, в том числе и в Кремле, завязывала новые знакомства и возобновляла старые, столь необходимые для оказания помощи людям, несправедливость в отношении которых она ощущала очень остро. В этот свой приезд в Россию Кудашова познакомилась с женой своего сына, студента математического факультета Московского университета.

Сергей Сергеевич Кудашов в первый раз приехал навестить мать и отчима в 1934 году, несколько раз бывал он у них и в следующие годы, причем всякий раз родители старались разнообразить маршруты его путешествий по Европе. У Роллана с пасынком сложились доверительные и дружеские отношения, они часто писали друг другу. Восхищенный способностями и любознательностью юноши, Роллан всегда старался помочь ему — и советом, и необходимыми ему

книгами и вещами, и деньгами. Письма Роллана пасынку позволяют понять, как протекала жизнь Кудашовой за границей (в Вильневе, в Швейцарии, в Везле и в Париже). Она была секретарем мужа: ей он диктовал свои художественные и публицистические сочинения, письма, она же вела дела с издательствами — французскими и зарубежными; одновременно она выполняла роль домоправительницы, ведавшей благоустройством дома и сада, уходом за животными, которых она очень любила (в доме всегда жили несколько кошек и собак). 21 июня 1938 г. Р. Роллан писал С. С. Кудашову: «Твоя мать делает по десять дел сразу, ее энергия невероятна, и я все время боюсь, что она все делает без меры и что усталость свалит ее с ног...»⁴⁰.

Помимо этого, Кудашовой приходилось играть роль светской дамы: супругов Роллан часто приглашали на официальные рауты в советское посольство, в представительства общественных и культурно-благотворительных обществ. Принимали супруги гостей и у себя. Постоянным посетителем их дома был М. М. Литвинов, другие известные советские дипломаты, писатели, художники. Начиная с середины 1930-х гг. Кудашова взяла на себя организацию антифашистских акций, происходивших при обязательном участии Роллана (он был почетным председателем Всемирного Комитета борьбы против империалистической войны и фашизма). Вместе с мужем она немало способствовала укреплению авторитета Советского государства, развитию его международных связей. Роллана с супругой пригласили на заседание, посвященное принятию СССР в Лигу Наций (1934).

В 1922–1933 гг. Роллан писал роман «Очарованная душа» (последние его тома были записаны Кудашовой под диктовку). Центральному женскому образу — Аннет — писатель придал много черт своей любимой жены. Однако он заставил свою героиню пережить самое горестное испытание для матери — потерю сына, и тем самым, невольно став пророком, предсказал гибель своего пасынка. Кудашов после окончания в 1940 г. университета поступил в аспирантуру. Кудашова и тяжело больной Роллан были заперты в своем доме в Везле в оккупированной Франции. Своему другу Жан-Ришару Блоку писатель сообщал о постоянной слезке, ведшейся за его домом, о томительном ожидании самого худшего⁴¹. В самом начале 1943 г. Р. Роллан писал Луи Жилле: «У меня взамен кровного есть приемный сын (есть ли он еще?), красивый, славный мальчик, умный, порядочный, я очень его люблю но от него уже три года нет никаких вестей...»⁴².

Супруги Роллан очень тяжело переживали войну. Но, несмотря ни на что, писатель продолжал работать, а его жена самоотверженно ему помогала. В последнем, предсмертном письме Ж.-Р. Блоку Роллан

просил друга позаботиться о своей жене: «Если вы меня любите, любите ее! Лишь благодаря ей я живу. Без нее, без ее неустанной помощи, без ее нежности я не смог бы пережить эти тяжкие, нескончаемо долгие, мрачные годы духовной угнетенности и болезни»⁴³. Роллан скончался 30 декабря 1944 г. Но вдову писателя ждало еще одно испытание. В ответ на бесчисленные запросы в советское посольство о судьбе сына ей сообщили, что Сергей Сергеевич Кудашов, служа в артиллерийской части, погиб осенью 1941 г. в боях за Москву.

Всю оставшуюся часть своей жизни Кудашова провела во Франции, приводя в порядок архив своего мужа, занимаясь подготовкой к изданию его сочинений. Так, в 1952 г. в Париже ее усилиями вышли «Дневники военных лет» — неизданное произведение о первой мировой войне. По окончании войны сотрудники Института мировой литературы им. А.М.Горького АН СССР (ИМЛИ) пытались установить с Кудашовой контакты с тем, чтобы она передала часть документов из архива писателя, в основном касавшихся его отношений с М.Горьким. Но лишь после смерти Сталина вдова согласилась на сотрудничество с ИМЛИ. Академия Наук и Дом-музей М.Горького приглашали Кудашову в СССР, и она два раза приезжала в Москву, участвовала в научных конференциях и встречах с архивистами и литературоведами. В середине 1970-х гг. Татьяна Николаевна Кудашова (вдова С.С.Кудашова) передала хранившиеся у нее фамильные документы в Отдел рукописей РГБ. Архив М.П.Кудашовой, в котором, может быть, сохранились письма А.Белого, В.И.Иванова, К.Д.Бальмонта, М.И. и А.И.Цветаевых, М.А.Волошина и других русских писателей и поэтов, а также известных политических и общественных деятелей, хранится в Париже. Умерла Мария Павловна 27 апреля 1985 г. и была похоронена рядом с Р. Ролланом на кладбище в Кламси.

Биография М.П.Кудашовой кажется необычной даже на фоне трагических судеб ее современников. Мария Павловна прожила насыщенную, бурную жизнь и оставила глубокий след в истории русской и французской культуры. Подробное и документальное изучение жизни этой удивительной женщины внесет новые штрихи в современное понимание европейской культуры нынешнего века.

¹ Цветаева А. И. Воспоминания. М., 1983. С. 420.

² Здесь: счастливица; букв. — воскресное дитя, нем.

³ Письмо М.И.Цветаевой к М.П.Кювилье от 14 сентября 1913 г. // Цветаева М.И. Собр. соч. В 7 т. М., 1995. Т. 6. С. 118.

- ⁴ Письмо М. П. Кювилье к В. И. Иванову от 26 декабря 1914 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ (далее — НИОР РГБ). Ф. 109. К. 28. Д. 19. Л. 7.
- ⁵ Письмо М. П. Кудашевой к В. И. Иванову от 9 февраля 1915 г. // НИОР РГБ Ф. 109. К. 28. Д. 19. Л. 7.
- ⁶ Цит. по: *Купченко В. П.* Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование. СПб, 1996. С. 171.
- ⁷ *Волошин М. А.* Стихотворения. М., 1989. С. 180–181.
- ⁸ Письма К. Бальмонта к М. Волошину // *Волошин М. А.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 324.
- ⁹ «В мой жилет», *фр.*
- ¹⁰ Цит. по: *Купченко В. П.* Указ. соч. С. 188.
- ¹¹ Письмо М. П. Кудашовой к Андрею Белому от 15 ноября 1916 г. // НИО РГБ Ф. 25, К. 18. Д. 7, Л. 13 об.
- ¹² Эфрон Вера Яковлевна (1888–1945) — актриса, педагог, сестра мужа Цветаевой Эфрона.
- ¹³ Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — русский религиозный философ, публицист.
- ¹⁴ Письмо М. П. Кудашовой к В. И. Иванову от 11 ноября 1915 г. // НИОР РГБ. Ф. 109. К. 18. Д. 7, Л. 29.
- ¹⁵ Нилендер Владимир Оттович (1883–1965) — филолог-классик, переводчик.
- ¹⁶ Письмо М. П. Кудашовой к Андрею Белому от 10 марта 1916 г. // НИО РГБ Ф. 25, К. 18. Д. 7, Л. 29.
- ¹⁷ Письмо М. П. Кудашовой к Андрею Белому от 19 марта 1917 г. // НИО РГБ Ф. 25, К. 18. Д. 7, Л. 34.
- ¹⁸ Письмо М. П. Кудашовой к Андрею Белому от 8 октября 1917 г. // НИО РГБ Ф. 25, К. 18. Д. 7, Л. 67 об.
- ¹⁹ Письмо М. П. Кудашовой к Андрею Белому от 24 декабря 1917 г. // НИО РГБ Ф. 25, К. 18. Д. 7, Л. 88.
- ²⁰ Письмо М. П. Кудашовой к Андрею Белому от 26 марта 1918 г. // НИО РГБ Ф. 25, К. 18. Д. 7, Л. 95.
- ²¹ Письмо М. П. Кудашовой к Андрею Белому от 2 августа 1918 г. // НИО РГБ Ф. 25, К. 18. Д. 7, Л. 97 об — 98.
- ²² *Волошин М. А.* О Мандельштаме, Эренбурге и других. Мое последнее пребывание в Париже // *Он же.* Путник по вселенным. М., 1990. С. 298.
- ²³ Там же. С. 299.
- ²⁴ Там же. С. 302.
- ²⁵ *Миндалин Э. Л.* Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 156.
- ²⁶ *Коган П. С.* Литература этих лет. 1917–1923. Иваново-Вознесенск, 1924. С. 67.
- ²⁷ *Цветаева М. И.* Пленный дух // *Она же.* Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 241.
- ²⁸ *Коган П. С.* Указ. соч. С. 69.
- ²⁹ Чулков Георгий Иванович (1879–1939) — поэт, прозаик, критик.
- ³⁰ *Мотылева Т. Л.* Ромен Роллан. М., 1969. С. 270.
- ³¹ В середине 20-х гг. при помощи Когана во Франции были напечатаны два небольших стихотворных сборника.

- ³² Письмо Р. Роллана к М. Горькому от 5 апреля 1928 г. // М. Горький и Р. Роллан: Переписка. 1916–1936. Архив М. Горького. М., 1995. Т. XV. С. 159.
- ³³ Письмо Р. Роллана к М. Горькому от 28 июля 1929 г. // Там же. С. 161.
- ³⁴ Письмо Р. Роллана к М. Горькому от 6 августа 1929 г. // Там же. С. 163.
- ³⁵ Письмо Р. Роллана к М. Горькому от 2 июня 1929 г. // Там же. С. 194.
- ³⁶ Письмо Р. Роллана к М. Горькому от 5 апреля 1928 г. // Там же. С. 159.
- ³⁷ Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991.
- ³⁸ Письмо Р. Роллана к М. Горькому от 2 февраля 1933 г. // М. Горький и Р. Роллан. С. 255.
- ³⁹ «Московский дневник» Романа Роллана // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 222.
- ⁴⁰ Письма Романа Роллана к С. С. Кудашову // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. 27. М., 1965. С. 279.
- ⁴¹ Письмо Р. Роллана к Ж.-Р. Блоку от 4 ноября 1944 г. // Роллан Р. Статьи. Письма. М., 1985. С. 350.
- ⁴² Письмо Р. Роллана к Л. Жилле от 8 января 1943 г. // Там же. С. 347.
- ⁴³ Письмо Р. Роллана к Ж.-Р. Блоку от 8 ноября 1944 г. // Там же. С. 350.